

С.А. Веснин

**Сочинения и письма
Святогорца собранные после
его смерти**

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 304
ББК 60.5

С.А. Веснин

Сочинения и письма Святогорца собранные после его смерти / С.А. Веснин – М.: Книга по Требованию, 2011. – 350 с.

ISBN 978-5-4241-7426-1

ISBN 978-5-4241-7426-1

© Издание на русском языке, оформление, «
YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «
Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

пребность нравственного развитія и образованія. Вслѣдствіе этого онъ всегда самъ училъ дѣтей своимъ, до доступленія ихъ въ училище, и, можно сказать, корабль надъ этикъ, стараясь передать дѣтямъ все, что самъ зналъ и умѣлъ. Но особенно при этомъ его заботою было положить и укоренить въ сердца дѣтей зерно вѣрности и страха Божія, такъ, чтобы дитя съ малолѣтства принимало постоянно чувствовать присутствіе Божіе, и въ своихъ погрѣшностяхъ и несправностяхъ—бояться прежде всего наказанія Божія. Если кто изъ дѣтей полѣнился выучить урокъ, или оказалъ непослушаніе, или въ церкви стоялъ разсѣянно, или вообще въ чемъ нибудь провинился, — отецъ подводилъ его къ домашней иконѣ и, указывая на ликъ образа, говорилъ: «видишь, Богъ смотритъ на тебя, сердится и хочетъ наказать тебя!—Прости скорѣе у него прощенія, и общайся, что ты болѣе не станешь гнѣвить Его, а всегда будешь и окромень, и послушешъ, и прилеженъ, и мабожемъ, да непремѣнно».—И дитя, смотря на икону, горячими слезами омывало свои проступки и чистосердечно общалось исправиться.

Среди такихъ заботъ и трудовъ, скромный домъ Авдія всегда былъ радушно открытъ для всякаго странника; а поклонники святыхъ, своимъ посѣщеніемъ, приносили въ домъ Авдія особенную опраду. Живые рассказы ихъ о далекихъ и великихъ святыхъ продолжались иногда по цѣлымъ днямъ и ночамъ, и до того востергали душу старика, что для нихъ онъ забывалъ свои обыкновенныя занятія, и проводилъ такихъ гостей всегда съ душевною скорбію, что самъ не можетъ также видѣть св. мѣсть и тамъ поклониться угодникамъ Божіимъ.—Но самымъ любимымъ занятіемъ старца Авдія, во вечерамъ, особенно на правдники, было чтеніе духовныхъ книгъ и преимущественно *Чети Милей*. Это чтеніе обыкновенно сопровождалось нѣкоторою семейною торжественностію и обрядностію. Съ наступленіемъ сумерекъ, старецъ бралъ книгу и садился за столъ, за которымъ тогда же усаживалась вся семья подъ надзоромъ матери и старей сѣдой пани. За тѣмъ отецъ читалъ въ слухъ всѣхъ, съ возмож-

нбю ясностію и радбильностію; и вѣсти не сеговаъ или не для
всѣхъ понятныя переводитъ, толковалъ и старался передать
дѣтскому для всѣхъ знакомымъ и понятнымъ. И всѣ слушали
эту патриархальную обрядность и простота чтенія повелѣно
располагала и дѣтей сильно внимать въ читаемое; — и ко-
нечно, послѣ такихъ нравственныхъ, вечернихъ уроковъ, на от-
ходѣ ко сну, душа каждаго изъ нихъ, настроивалась особенно
духбнно и набожно, а еще болѣе душа дѣтская — впечатля-
тельная.

Такая жизнь, складывалась изъ своихъ простыхъ и не раз-
нообразныхъ началъ: чувства шужды, постоянного и честнаго
труда, довольства не явными и набожною вѣры, имѣла
свое особенное направленіе, и необходимо вліяла на бытъ,
развитіе и характеръ дѣтей: въ этой семейной средѣ зачина-
лось ихъ существованіе, изъ ея основъ зародилась и развивалась
ихъ жизнь, на ея началахъ возникла, загнибдилась и оперя-
лась ихъ первая мысль, — наконецъ подъ ея условіями скла-
дывалась и опредѣлялся характеръ дѣтей. Тѣмъ не посред-
ственнѣе и глубже это вліяніе должно было проникнуть и
растворить душу и настроеніе дитяти, чѣмъ послѣднее
было воспримчивнѣе и впечатлительнѣе, чѣмъ физическое
и нравственное его сложеніе было къ тому болѣе настроено
и приспособлено. Въ семь случаевъ постоянный предъ глазами
примѣръ труда и терпѣнія, соединеннаго съ набожною вѣ-
рою, — вся эта строгая, благочестивая настроенность, эта эле-
гическая гармонія семейнаго быта — должна была все-
цѣло отвѣщать въ развитіи и настроеніи дитяти, и потому
чутко и обязательно прозвучать на всю его послѣдующую
жизнь и дѣятельность.

Въ этой-то средѣ родился и первоначально воспитывался,
подъ кровомъ и надзоромъ родительскимъ, достопамятный Сми-
тогорейцъ, тогда Сумевъ. Съ самаго рожденія онъ не отличал-
ся прочнымъ тѣлеснымъ сложеніемъ, былъ худощавъ, нѣ-
сколько смугль и вообще, какъ говорится, хилъ. А по-
этому и, съ другой стороны, какъ послѣднее дитя, во обще-
ественному закону, онъ былъ какъ-то преимуществен-

любить отцомъ и матерью. Мать уже, старая, простая и набожная женщина, не могла, какъ говорится, надѣяться любовію къ ребенку, и вслѣдствіи заботилась оsobности и упрочить его здоровье; сверхъ того, задумывалась надъ своими слабѣющими силами и надъ старостию мужа, и затѣмъ переходила мыслію къ предстоявшей участи своего послѣдняго дитяча, даже можетъ быть и предчувствуя дальнѣйшую его судьбу, она до слезъ сокрушалась надъ нимъ, и болѣе признавалась въ своихъ невольныхъ опасеніяхъ оставить его съ малолѣтства сиротою. И малютка, понимая ласки и любовь матери, съ тѣмъ вмѣстѣ невольно становился предметомъ нерадостныхъ впечатлѣній и преждевременно свмккался съ грустными опасеніями и меланхолическимъ настроеніемъ. Особенно, когда случалось, мать заболѣвала, или чувствовала ослабленіе силъ, онъ тосковалъ до слезъ и плакалъ дѣтски, пока мать не начинала оправдаться. А всѣ эти обстоятельства, имѣя ослабляющее вліяніе на тѣлесное его развитіе, тѣмъ болѣе возбуждали его впечатлительность и воспримчивость, и тѣмъ замѣтнѣе и быстрѣе вызывали къ развитію его нравственную сторону: чувство горя и испытаній—учитель неснисходительный и для ребенка.— Съ другой стороны отецъ, какъ мужчина, умѣлъ любить сына по своему. Конечно и ему не разъ приходила на мысль думы и опасеній, которыя тревожили мать, но онъ не любилъ высказывать ихъ, не желалъ себя и жену тревожить и сына печалить преждевременно. Понимая свою позднюю пору, онъ тѣмъ болѣе торопился и тѣмъ усерднѣе заботился дать сыну первоначальное воспитаніе и научить его всему, чему могъ и училъ другихъ дѣтей, по крайней мѣрѣ, чтобы прочнѣе подготовить его къ дальнѣйшему ученію въ училищѣ, и хоть въ этомъ отношеніи поставить его на ноги, а такъ говорилъ, Божія воля, Богъ милостивъ. И мальчика съ 7-ми лѣтъ онъ началъ учить постепенно читать и писать, за тѣмъ катихизису и священной исторіи, наконецъ ногному церковному пѣнію и чтенію по латыни, а главное и болѣе всего, молитвѣ и набожности—вообще страху Божію. Къ большому удовольствію и рвенію отца, ученикъ оказывался способнымъ, по-

нѣжнымъ и прілежательнымъ! Онъ скоро перенялъ и выучившись отцовскіе уроки. На 9-мъ году уже читалъ и пѣлъ съ отцомъ въ церкви и могъ учиться самъ безъ посредственной сторонней укавки. А во время дождливыхъ чтаній библейскихъ событій или пѣтъ Четинъ—Минейъ были самымъ усерднымъ и неутомимымъ слушателемъ. Наконецъ, во временахъ, отецъ бралъ его съ собою на работу и тамъ заблаговременно приучалъ его къ послѣдному труду. Такъ что 9-ти лѣтній мальчикъ смотрѣлъ уже не столько ребенкомъ, сколько лицомъ начинающимъ понимать, малолѣтномъ настроеннымъ серьезно и дѣльно; довольно обученнымъ, трудолюбивымъ и набожнымъ. Онъ уже понималъ, что значить ученіе, въ трудолюбіи видѣлъ добродѣтель, а его набожность простиралась до нѣкотораго созерцанія въ задумчивости. Во всѣхъ предметахъ, порицавшихъ его дѣтскіе взоры, какъ то: буря, громъ, молніи, въ мирно грувирующихся и раздѣляющихся облакахъ и проч., онъ чувствовалъ близкое присутствіе Божества. Очевидно и здѣсь нравственныя силы мальчика должны были развиваться напередъ и на счетъ физическихъ.—Наконецъ, вслѣдствіе обоюднаго вліянія попеченій и заботъ отца и матери, подъ ѣтвымъ крыломъ родительской любви, темпераментъ и характеръ будущаго Святогорца сложились и спаялись естественно и замѣтно: опредѣляясь въ слѣдующихъ чертахъ: при видимой худобѣ и тонкомъ ростѣ, можно было видѣть въ дитяти не столько слабость, а болѣе мягкость развивающихся физическихъ силъ; его постоянная наявность и прямотише всегда отличались кротостію и послушаніемъ; его глубокая впечатлительность и воспримчивость какъ то особенно родилась съ предметами меланхолическими: потъ зывались грустнымъ настроеніемъ; его мысли и понятія носили слѣды болѣе-нежели дѣтской зрѣлости и задумчивости; всѣ его желанія слышались терпѣніе и самоограниченіе, вообще въ его настроеніи отражалась чистосердечная набожность и наклонность къ поэтическому развитію. Мы увидимъ, какъ всѣ эти черты теперь еще дѣтскаго возраста развились, со всею точностію и вѣрностію, вслѣдствіе дальнѣй-

шей обстановки, и среди поглядующихъ обстоятельство, и, наконецъ, приняли широкіе размѣры въ жизни и дѣятельности Святогорца. Но очевидно такой складъ дѣтяти какъ-то особенно согласовался съ общимъ характеромъ и направлениемъ быта и жизни всей семьи и самымъ близкимъ образомъ роднился съ патріархально-религіознымъ ея настроениемъ. И это настроеніе, незамѣтно, но глубоко запечатлѣвшись въ мягкой душѣ мальчика, дѣйствительно отразилось въ мысляхъ и понятіяхъ Святогорца, и особеннымъ образомъ влияло на все его нравственное развитіе. Особенно сильно дѣйствовали на него и глубоко западали въ его душу эти домашнія чтенія изъ библейской и церковной исторіи, или изъ Четив-Мисей, и рассказы путешествовавшихъ о святыхъ дальнихъ мѣсть. Уже сами въ себѣ назидательные и потрясающіе сердце, тѣмъ болѣе, что происходили часто и притомъ почти всегда въ вечернее время—на отходѣ ко сну, они глубоко врѣзывались въ его памяти и тревожили его дѣтское воображеніе даже во время сна и ночи. Не рѣдко дитя, послѣ увлекательнаго вечерняго повѣствованія о какомъ нибудь пустынникѣ, или описанія какой нибудь отдаленной святыни,—и на другой день, и дальше, всецѣло вспоминало эти вечерніе и набожные уроки, живо воспроизводило ихъ, какъ явленія, и за тѣмъ чаще и чаще останавливалось и задумывалось надъ ними своею дѣтскою душою, желая примѣнить ихъ къ себѣ и на себѣ видѣть ихъ осуществленіе. А чѣмъ чаще это было, тѣмъ больше оно свыкалось съ этими повѣствованіями, тѣмъ сильнѣе и постояннѣе ощущало потребность въ нихъ; наконецъ въ душѣ его возникло и стало развиваться особенное начало, призывающее его къ отдаленному—высокому. Онъ уже ощущалъ въ себѣ неясное призваніе не только къ труду и терпѣнью, но къ подвижничеству и строгому благочестію. Бывало, его дѣтское воображеніе и чувство до того разгорались, что онъ не давалъ покоя своей старой и слѣпой плѣнѣ;—все звалъ ее идти туда, о чемъ на канунѣ или прежде онъ слышалъ рассказъ или чтеніе, и на отговорки няни, что онъ очень малъ, а она стара и слѣпа, самъ обѣщался вестъ ее по

самой прямой дорогѣ и идти безъ устали; наконецъ когда она соглашалась отправиться съ нимъ къ самымъ отдаленнымъ святынямъ, даже въ Иерусалимъ, какъ только онъ подростетъ, онъ не отставалъ отъ нея съ вопросами: скоро ли онъ вырастетъ и будетъ большой, и можетъ ли наиримѣрь чрезъ нѣсколько времени быть уже взрослымъ; иногда случалось, по утрамъ становился подъ мѣрку и смотрѣлъ, на сколько онъ выросъ.— Вотъ почему Святогорецъ такъ часто и съ такою любовію вспоминаетъ свои дѣтскія стремленія къ путешествію по св. мѣстамъ, и такъ задушевно выражается, что съ самыхъ малыхъ лѣтъ онъ любилъ помечтать о св. горѣ Аѳонской, о Палестинѣ, Иерусалимѣ и Гробѣ Господнемъ, и жаждалъ видѣть ихъ въ дѣйствительности. «Еще въ дѣтствѣ, говоритъ онъ, занимала меня мысль о путешествіи къ св. мѣстамъ. Помню, какъ я не рѣдко, особенно по вечерамъ, со слезами молилъ Бога перенести меня къ святынямъ; а ночью мнѣ снилось, будто въ какомъ-то чудномъ, невѣдомомъ для меня мѣстѣ святые ласкаютъ меня. Я былъ тогда ребенкомъ» (*).

Такъ прожилъ Святогорецъ подъ кровомъ и надзоромъ родительскимъ до 10-ти лѣтняго возраста, и прожилъ все это время, не смотря на опасенія матери, спокойно, невинно и счастливо, подчинялся трудолюбивымъ заботамъ и попеченіямъ отца. Онъ такъ горячо любилъ отца и мать, и такъ привыкъ постоянно чувствовать себя подъ защитою ихъ любви, что съ трудомъ и со слезами представлялъ необходимость и время разлуки съ ними. На 11-мъ году, по обыкновенному морядку, отдали его въ училище, въ г. Вятку, гдѣ въ то время уже обучался братъ его постарше. Школьная жизнь, школьные занятія, холодное и строгое обращеніе учителей, чувство дали отцовскаго дома и своего одиночества чуждо и холодно пахнули на его теплую душу, и мальчикъ унылъ и какъ-то робко прицалъ; днемъ онъ видимо и боязно сталъ отъ всѣхъ уединяться, а ночи, случалось, не смыкая глазъ, плакалъ и

(*) См. Дневникъ.

тосковалъ,—и уроки не шла на умъ. Начались испытанія будущаго Святогорца. За неученіемъ уроковъ слѣдовали наказанія, а за ними еще большія слезы и тоска, затѣмъ опять упущенія, и опять наказанія и слезы; наконецъ все это слилось въ какое-то безвыходное и самое безотрадное положеніе. Приходя изъ училища на квартиру къ обѣду, мальчикъ почти не сталъ пить и ѣсть. «Что ты, Сеня, не ѣшь», спрашивали его жившіе съ нимъ товарищи,—ребенокъ заливался слезами. «Эка бѣда, выѣкли! Случится и еще не одинъ разъ, — здѣсь, братъ, не дома»; и Семень рыдалъ какъ-то сиротски неутѣшно. Заслышали объ этомъ отецъ и мать, и старикъ Авдій, имѣвшій и прежде обыкновеніе павѣщать своихъ учащихся дѣтей, чтобы понаблюсть за ними, понавѣдаться объ ихъ ученіи и успѣхахъ, незамедлялъ и на этотъ разъ собраться въ путь, не смотря на старость свою: а чтобы скорѣе утѣшить дѣтей, особенно младшаго, онъ даже предварительно извѣстивъ ихъ о скоромъ прибытіи своемъ къ нимъ. Семень такъ обрадовался этому, что въ назначенный день, какъ разъ день праздничный, съ ранняго утра, тихонько, никому не сказавшись, отправился за нѣсколько верстъ встрѣчать своего роднаго старца, и встрѣтилъ его со слезами: старикъ шелъ пѣшкомъ, съ посохомъ въ рукахъ и сумою на плечахъ. Порадовалъ отецъ дѣтей: трои сутки пробылъ у нихъ,—все ласкалъ и утѣшалъ ихъ, и уговаривалъ младшаго не тужить и привыкать къ необходимой жизни. «Голубчикъ! Станешь плакать, и намъ почувется тоскливо; а мать уже стара, и плакать ей теперь не подь силу. Что дѣлать? Вѣдь ты не одинъ такой горемыка. Вѣдь пельзя же не учиться. Учись хорошенько, такъ и насъ порадуешь на старости». И мальчикъ, плача, обѣщался быть спокойнѣе и терпѣливѣе. Но еще тоскливѣе заняло его сердце и безотрадиѣе сжалася его душа, когда отецъ собрался домой и они—дѣти пошли провожать старика. Верстъ пять они шли, посылая съ отцомъ по поклону и заочному поцѣлюю матери и роднымъ, наконецъ старикъ остановился, перекрестилъ, и облобызалъ дѣтей, и велѣлъ воротиться; у Семена замерло сердце, отъ слезъ потемнѣло въ гла-

захъ, когда отецъ, все болѣе и болѣе удаляясь, поднялся съ сумою и своимъ дорожнымъ посардомъ на отдаленный пригорокъ, остановился, оглянувшись, и, послѣдній разъ махнувъ дѣтямъ поднятою шляпой, скрылся за прилѣскомъ. Опять одиночество, опять жизнь въ чужбѣ, и снова та же шумная, непривѣтливая школа!... Неразъ вспоминалъ Семенъ, и въ послѣдствіи, это первое свиданіе съ отцомъ внѣ дома отцовскаго и эти первые проводы. Но время и обстоятельства, а еще болѣе счастливая дѣтская природа—лучшіе утѣшители: мальчикъ мало помалу тихо и покорно подчинился своей необходимой участи, и сталъ приниматься за дѣло. Впрочемъ, ни тогда, ни послѣ онъ не могъ близко свякнуться съ эгою школьною жизнью и школьнымъ ученіемъ. Дѣтская рѣзвость и ученическія обычныя шалости никогда не были ему по душѣ, не ладились съ его тихимъ и кроткимъ настроеніемъ. Онъ только видимо помирился съ своею судьбою, и затаялъ свои прежнія думы и желанія, схоронивши ихъ въ своей дѣтской душѣ. Онъ былъ ученикомъ толковымъ и понятливымъ, и, казалось, прилежнымъ; и въ классѣ слушалъ наставника, казалось, со всѣмъ вниманіемъ и напряженностію; но эти формальные, холодные уроки не роднились съ его душою, не трогали его воображенія, и смутно и сбивчиво проходили въ его памяти,—даже не рѣдко они отрицательно возбуждали душевную дѣятельность мальчика. Случалось, слушая учителя, онъ въ то же время вспоминалъ какъ училъ его отецъ, какъ онъ усердно и радушно толковалъ и объяснялъ ему то, что казалось не понятнымъ, и какъ иногда, въ домашнемъ кружку, внятно и вразумительно читалъ своимъ старческимъ—дребезжащимъ голосомъ сказанія о святыхъ подвижникахъ и чудныхъ событіяхъ, и набожно слушали его въ то время старушка мать, слѣпая няня, братья и сестры.... А тамъ и понеслось живое дѣтское воображеніе мальчика по роднымъ полямъ и лугамъ, по всѣмъ близкимъ и знакомымъ мѣстамъ и предметамъ, и закружилось около отцовскаго дома, у роднаго очага, и привилось къ родной семьѣ.... И вотъ урокъ учительскій миновалъ для ученика. А онъ все сидѣлъ и, казалось, слушалъ учителя, и

разгоралась его голова, въ глазахъ искрилась мысль и жизнь, въ лицѣ проступала тѣнь: душевнаго жара и напряженія. Замѣчая въ лицѣ ученика это выраженіе мысли и внутренней дѣятельности, учитель не рѣдко принималъ его за прямой знакъ внимательнаго слушанія, и съ самодовольствіемъ обращался къ ученику заставляя повторять сказанное. Но ученикъ Веселовъ вадрасивалъ, и вставалъ растерявшись; не зная, о чемъ его спрашиваютъ и что ему отвѣчать. Такимъ образомъ, не смотря на природную толковость и понятливость, не смотря на видимое прилежаніе и послушаніе, онъ смотрѣлъ ученикомъ какъ-то полурастеряннымъ, полурасцѣпленнымъ, вообще не собравшимся въ силы, или, какъ выражаются тамъ, ракованнымъ. И сталъ онъ по этому ученикомъ самаго средняго разряда.

Такъ протеко два года его школьной жизни и воспитанія въ училищѣ. Въ эти два года Семень мало измѣнился, не смотря на видимый переходъ въ отроческій возрастъ. Онъ замѣтно повзрослѣ, но все же былъ художать, замѣтно привыкъ къ своей школьной жизни, сталъ терпѣливѣе и разумнѣе, но весь его правдивый характеръ остался съ тѣмъ же настроеніемъ и постепенно развивался въ прежнихъ своихъ чертахъ. И теперь не могъ онъ безъ тоски оставить отеческій домъ послѣ побывокъ и гощеній въ немъ. Онъ каждый годъ ѣздилъ домой не менѣе трехъ разъ: на праздники Рождества Христова, на маслянницу съ первою недѣлею великаго поста (Паску за весеннею распутицею по неволѣ приводилось сидѣть въ своей школьной квартирѣ), и наконецъ на лѣтнее вакаціонное время. И всякій разъ проводы его въ училище необходимы безъ горькихъ слезъ: отецъ и мать всегда набожно напутствовали его благословеніемъ и со слезами уговаривали не тосковать и не тужить, а стараться хорошенько учиться, быть постоянно послушнымъ и благонравнымъ, и молиться Богу, «чтобы Богъ далъ здоровья и надѣлилъ хорошиими дарованіями»; Семень тоскливо кланялся въ ноги отцу и матери, со слезами цѣловалъ ихъ руки, грустно прощался съ родными и съ плачемъ отправлялся въ училище. Особен.

не были трогательны и навсегда остались памятны для Сынтогорца проводы его съ праздниа Рождества Христова, но третьемъ году его училищной жизни, а отъ реду на 13-иѣ. Старики Авдѣи и жена его Елена въ то время замѣтно одряблили и не рѣдко хворали; особенно самъ Авдѣи: уже праздникомъ онъ чувствовалъ себя недорезывимъ, хоть, по привычкѣ къ дѣятельности и по природной уругости своихъ слабѣвшихъ силъ, не хотѣлъ лежать въ постели и держался по возможности на ногахъ. Въ утро, назначенное для отправления Семена въ училище, онъ поднялся съ самой ранней поры, а за нимъ и все въ домѣ зашевелилось. Работникъ (такъ зовется тамъ въ селахъ прислуга) запрягъ лошадей и одѣлся на готово, чтобы проводить Семена въ городъ. Баскили и увязали всѣ напутственные узелки, и уложили ихъ въ сани подъ одинокіе ученическіе подушки и войлочекъ, прикрытые шубнымъ нагольнымъ одѣяломъ: Семенъ въ это время немогъ ни къ чему рукъ своихъ приложить. Онъ грустно и робко смотрѣлъ на всѣ эти сборы; сквозь слезы старался улыбаться на хлопотливыя заботы отца и матери, и, нехотя, съ болю, надѣлъ свой обычный бѣдный овертучекъ и нагольный тулупчикъ, опоясался и взялся за фуражку. «Ну теперь пора», сказалъ не весело отецъ; «садитесь по мѣстамъ», и всѣ молча разошлись. Старикъ задумался, поникъ головою, и рѣдкія, но крупныя слезы покатались по его сѣдой бородѣ. «Мати, добавилъ онъ, затеплила бы ты свѣчу предъ образами. Хочется сегодня побольше поговорить съ Семеномъ». Что - то тяжелое легло на душу Семена, и какимъ-то непонятнымъ, грустнымъ предчувствіемъ заняло его сердце: «на что, батюшка, зажигать свѣчу, вѣдь можно и такъ». Но мать послушно и тоже какъ-то испуганно уже стояла предъ образами, и дрожжащею рукою зажигала свѣчу въ божницѣ. «Дитя мое, отвѣчалъ съ замѣтною задумчивостію отецъ, свѣча не помѣшаетъ: самый ликъ Божій веселѣе и милосердѣе смотреть, когда предъ нимъ теплится нашъ хоть бѣдный огонекъ. Сени, родной мой! Вотъ ужъ два года третій, какъ мы впервые провожали тебя въ училище, и я и мати, тоже зажег-